

63.3(0)4

В 19

СА-387718

афия/этнография

Александр Васильев

История Византии

от основания Константинополя
до эпохи Крестовых походов.
324–1081 годы

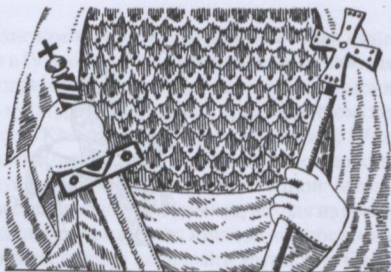
Ломоносовъ
издательство

ca-387418

Александр Васильев

История Византии

от основания Константинополя
до эпохи Крестовых походов.
324–1081 годы

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Глава 1 Империя от времен Константина до Юстиниана Великого

Константин Великий и христианство

Культурный и религиозный кризис, который Римская империя переживала в IV веке, является одним из самых важных моментов, какие когда-либо переживала всемирная история. Древняя языческая культура столкнулась с христианством, которое, будучи признано Константином Великим в начале IV века, было объявлено в конце того же века Феодосием Великим религией господствующей, религией государственной. Могло казаться, что эти два столкнувшиеся элемента, исходя из совершенно противоположных точек зрения, никогда не смогут найти путей для соглашения и будут исключать друг друга. Однако действительность показала иное. Христианство и языческий эллинизм слились мало-помалу в одно целое и создали христианско-греко-восточную культуру, которая и получила название византийской культуры. Центром последней сделалась новая столица Римской империи — Константинополь.

Главное значение в деле создания нового положения вещей в империи принадлежит Константину Великому. При

нем христианство впервые стало на твердую почву официального признания; при нем прежняя языческая империя стала превращаться в империю христианскую.

Обычно обращение народов или государств в христианство происходило в истории на первых шагах их исторической жизни, их государственного бытия, когда прошлое таких народов не создало еще твердых, установившихся основ или создало некоторые основы в грубых, примитивных образах и формах. Переход в подобном случае от грубого язычества к христианству не мог порождать глубокого кризиса. Не то представлял собой V век в истории Римской империи. Империя, обладавшая многовековой мировой культурой, достигшая совершенных для своего времени форм государственности, имевшая, таким образом, за собой великое прошлое, с идеями и воззрениями которого население сжилось и сроднилось, — эта империя, претворяясь в IV веке в государство христианское, то есть вступая на путь противоречия с прошлым, а иногда и полного его отрицания, должна была пережить в высшей степени тяжелый кризис. Очевидно, древний языческий мир, по крайней мере в области религиозной, более уже не удовлетворял народных потребностей. Народились новые запросы, новые желания, которые, в силу целого ряда сложных и многообразных причин, смогло удовлетворить христианство.

Если с моментом подобного исключительного по своей важности кризиса связывается какое-либо историческое лицо, сыгравшее в нем выдающуюся роль, то в исторической науке по вопросу о нем, конечно, появляется целая литература, стремящаяся оценить значение этого лица в данный период времени и проникнуть в тайники его духовной жизни. Для IV века таким лицом явился Константин Великий. Константин родился в городе Наисс (в настоящий момент — Ниш). Со стороны отца, Констанция Хлора, Константин принадлежал, вероятно, к иллирийскому роду. Мать его, Елена, была христианкой. Она совершила паломничество в Палестину, где, согласно традиции, нашла Крест, на котором распяли Христа. Когда в 305 году Диоклетиан и Максимиан, согласно установленному ими положению, сложили с себя императорское звание и удалились в частную жизнь, августами сделались Галерий на Востоке и Констанций, отец Константина, на Западе.

Но в следующем году Констанций умер в Британии, и подчиненные ему войска провозгласили августом его сына Константина. В это время против Галерия вспыхнуло недовольство в Риме, где восставшее население и войско провозгласили императором Максенция, сына сложившего с себя императорские полномочия Максимиана. К сыну присоединился престарелый Максимиан, принявший снова императорский сан. Настала эпоха междоусобной войны, во время которой Максимиан и Галерий умерли. Наконец, Константин, соединившись с одним из новых августов Лицинием, разбил в решительной битве недалеко от Рима Максенция, который во время бегства утонул в Тибре. Оба императора-победителя, Константин и Лициний, съехались в Милане, где и обнародовали знаменитый Миланский эдикт, о котором речь будет ниже. Согласие между императорами продолжалось, однако, недолго. Между ними разгорелась борьба, которая привела к полной победе Константина. В 324 году Лициний был убит, и Константин стал единодержавным государем Римской империи.

Двумя событиями из времени правления Константина, имевшими первостепенное значение для всей последующей истории, являются официальное признание христианства и перенесение столицы с берегов Тибра на берега Босфора, из древнего Рима в «Новый Рим», то есть Константинополь.

При изучении положения христианства в эпоху Константин исследователи обращали особенное внимание на два вопроса: на «обращение» Константина и на Миланский эдикт.

«Обращение» Константина

В обращении Константина историков и богословов особенно интересовал вопрос о причинах. Почему Константин склонился в пользу христианства? Следует в этом видеть лишь акт политической мудрости Константина, чьи цели ничего общего с христианством не имели? Или Константин перешел на сторону христианства путем внутреннего убеждения? Или, наконец, в процессе обращения Константина на него оказывали влияние как политические мотивы, как и его внутренние, склонявшиеся к христианству убеждения?

Главное затруднение в решении этого вопроса заключается в тех противоречивых сведениях, которые оставили нам в данной области источники. Константин в изображении христианского писателя епископа Евсевия Кесарийского, например, совершенно не похож на Константина под пером языческого писателя Зосима. Поэтому историки, изучая время Константина, находили богатую почву для привнесения в этот запутанный вопрос своих предвзятых точек зрения. Французский историк Буасье¹ в своем сочинении «Падение язычества» пишет: «К несчастью, когда мы имеем дело с великими людьми, которые играют первые роли в истории, и пытаемся изучить их жизнь и отдать себе отчет в их образе действий, то мы с трудом удовлетворяемся самыми естественными объяснениями. Так как они имеют репутацию людей необыкновенных, то мы никогда не хотим верить, чтобы они действовали так же, как все. Мы ищем скрытых причин для самых простых их действий, приписываем им утонченность соображений, глубокомыслие, вероломство, о которых они и не помышляли. Это и случилось с Константином; составилось такое убеждение, что этот ловкий политик захотел всех обмануть, что чем с большим жаром он предавался делам веры и объявлял себя искренне верующим, тем более пытались предполагать, что он был скептик, который, в сущности, не заботился ни о каком культе и который предпочитал тот культ, из которого он думал извлечь наиболее выгод»*.

В течение долгого времени большое влияние оказывали на мнение о Константине скептические суждения известного историка Якоба Буркхардта², высказанные в его блестяще написанном сочинении «Время Константина Великого». В его представлении Константин, гениальный человек, охваченный честолюбием и стремлением к власти, приносил в жертву все для исполнения своих мировых планов. «Часто пытаются, — пишет Буркхардт, — проникнуть в религиозное сознание Константина и начертать картину предполагаемых изменений в его религиозных воззрениях. Это — совершенно напрасный труд. Относительно гениального человека, ко-

* G. Boissier. La fin du paganisme: étude sur les dernières luttes religieuses en Occident au quatrième siècle. Paris, 1891, vol. I, pp. 24–25.

тому честолюбие и жажда власти не оставляют спокойного часа, не может быть и речи о христианстве и язычестве, о сознательной религиозности или нерелигиозности; такой человек по существу совершенно безрелигиозен... Если он, хоть одно мгновение, подумает о своем истинном религиозном сознании, то это будет фатализм». Этот «убийственный эгоист», поняв, что в христианстве заключается мировая сила, пользовался им именно с этой точки зрения, в чем заключается великая заслуга Константина. Но он давал определенные гарантии и язычеству. Какой-либо системы у этого непоследовательного человека напрасно было бы искать; была лишь случайность. Константин — «эгоист в пурпуровом одеянии, который все, что делает и допускает, направляет к возвышению своей собственной власти». Сочинение Евсевия «Жизнеописание Константина», являющееся одним из главных источников для его истории, совершенно недостоверно*. Вот в немногих словах суждение Буркхардта о Константине, не оставлявшее, как видно, никакого места для религиозного обращения императора.

Исходя из других оснований, немецкий богослов Гарнак³ в своем исследовании «Проповедь и распространение христианства в первые три века» приходит к аналогичным выводам. Изучив положение христианства в отдельных провинциях империи и признавая невозможность определить число христиан в точных цифрах, Гарнак заключает, что христиане, будучи к IV веку уже довольно многочисленными и представляя собой значительный фактор в государстве, тем не менее не составляли еще большинства населения. Но, по замечанию Гарнака, численная сила и влияние не везде совпадают друг с другом: меньшее число может пользоваться очень сильным влиянием, если оно опирается на руководящие классы, и большое число может мало значить, если оно состоит из низших слоев общества или главным образом из сельского населения. Христианство было городской религией: чем больше город, тем крупнее — вероятно, также относительно — число христиан. Это было необычайным преимуществом. Но вме-

* J. Burckhardt. Die Zeit Konstantin's des Großen. Leipzig, 1898, SS. 326, 369—370, 387, 407.

сте с тем христианство проникло в большом числе провинций уже глубоко и в деревню: это мы точно знаем относительно большинства малоазиатских провинций и далее относительно Армении, Сирии и Египта, относительно части Палестины и также Северной Африки.

Разделив все провинции империи на четыре разряда по степени большего или меньшего распространения в них христианства и рассмотрев данный вопрос в каждом из четырех разрядов, Гарнак приходит к заключению, что главный центр христианской церкви в начале IV века был в Малой Азии. Константин до своего отъезда в Галлию много лет жил в Никомедии при дворе Диоклетиана. Малоазиатские впечатления сопровождали его в Галлию и превратились в ряд политических соображений, которые привели к решительным заключениям: следует опираться на сильные церковь и епископат. Вопрос о том, одержала бы победу церковь без Константина, не имеет смысла. Какой-либо «Константин» должен был прийти; только с каждым десятилетием становилось бы легче стать «Константином». Победа христианства в Малой Азии была предопределена еще до Константина; в других же областях она была хорошо подготовлена. Не было нужды ни в каком особенном озарении, ни в каком небесном призыве к войне, чтобы осуществить на деле то, что уже было готово. Нужен был только проницательный и сильный политик, который в то же время имел бы внутреннее влечение к религиозным переживаниям. Таким человеком был Константин. Его гениальностью было ясное распознавание и верное понимание того, что должно было случиться.

Как видно, в представлении Гарнака Константин является только гениальным политиком. Конечно, статистический метод для того времени, даже и весьма относительный, почти невозможен. Но тем не менее теперь наиболее серьезные ученые признают, что при Константине язычество являлось преобладающим элементом в обществе и правительстве и что христиан было меньшинство. По вычислениям проф. Болотова⁴ и некоторых других, «может быть, ко времени Константина христианское население равнялось 1/10 всего населения; но, может быть, и эту цифру нужно понизить. Всякое же представление, что христиан было более 10 процентов в массе на-

селения, будет рискованным»* В настоящее время меньшинство христиан в империи при Константине признано почти всеми. Если же это так, то политическая теория в ее чистом виде относительно Константина и христианства должна отпасть. Политик не мог строить свои обширные планы, опираясь на 1/10 населения, которая, как известно, даже не вмешивалась в политику.

У французского историка Дюрюи⁵, автора «Истории римлян», появляется при оценке деятельности Константина и религиозная сторона. По словам Дюрюи, Константин «рано понял, что христианство по своему основному учению соответствовало его собственной вере в единого Бога»**. Но, несмотря на это, политика у Константина играла преобладающую роль. «Подобно Бонапарту, старавшемуся примирить церковь и революцию, — пишет Дюрюи, — Константин задался целью заставить жить в мире, один рядом с другим, старый и новый режим, благоприятствуя, однако, последнему. Он понял, в какую сторону шел мир, и помогал этому движению, не ускоряя его. Слава этого государя заключается в том, что он оправдал название, которое начертал на своей триумфальной арке: *quietis custos* (страж покоя)... Мы попытались, — кончает Дюрюи, — проникнуть до глубины души Константина и нашли в ней скорее политику, чем религию»***. В другом месте, разбирая значение Евсевия как историка Константина, Дюрюи замечает: «Константин Евсевия видел часто, между небом и землей, вещи, которые никто никогда не замечал»****.

Следует отметить две из большого количества публикаций, которые появились в 1913 году в связи с празднованием тысячелетия Миланского эдикта. Это «*Kaiser Constantin und die christliche Kirche*», написанная Э. Шварцем⁶, и «*Gesammelte Studien*», изданные Ф. Дельгером⁷. Э. Шварц утверждал, что Константин «с дьявольской проницательно-

* В. В. Болотов. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1913, т. III, с. 29. — Здесь и далее постраничные примечания принадлежат автору.

** V. Duruy. *Histoire des Romains*. Paris, 1886, vol. VII, p. 102.

*** V. Duruy. *Op cit.*, p. 86, 88, 519—520.

**** V. Duruy. *Histoire des Romains*. Vol. VI, p. 602.

стью опытного политика реализовал важность, каковую имел союз с церковью для создания всемирной монархии, которую он собирался построить, и он имел смелость и энергию создать такой союз вопреки всем традициям цезаризма». Э. Кребс в рамках «Gesammelte Studien», изданных Дельгером, писал, что все шаги Константина к христианству были всего лишь вторичными причинами ускорения победы церкви; основная же причина заключалась в сверхъестественной силе самого христианства.

Мнения исследователей в этом вопросе очень различаются. П. Баттифоль⁸ защищал искренность обращения Константина, а сравнительно недавно Ж. Морис⁹, хорошо известный исследователь нумизматики времени Константина, попытался материализовать элемент чудесного в его обращении. Г. Буассье отмечал, что для Константина как для государственного деятеля отдать самого себя в руки христиан, которые были меньшинством в империи, было рискованным экспериментом; поэтому, раз он не изменил свою веру по политическим причинам, необходимо допустить, что он сделал это по убеждению. Ф. Лот¹⁰ склонялся к тому, чтобы принять искренность обращения Константина. Э. Штайн¹¹ выдвигал политические мотивы. «Величайшее значение религиозной политики Константина, — говорил он, — заключалось во введении христианской церкви в структуру государства»*. Он утверждал также, что Константин находился в некоторой степени под влиянием государственной религии зороастризма в Персии. А. Грегуар¹² писал, что политика всегда первенствует над религией, особенно внешняя политика. А. Пиганьоль¹³ говорил, что Константин был христианином, не зная этого.

Конечно, обращение Константина, обычно связываемое с его победой над Максенцием в 312 году, не должно рассматриваться как его истинное обращение в христианство. На самом деле он принял религию в год смерти. В течение всего своего правления он воскресный день иначе не называл, как «день солнца», а под «непобедимым солнцем» обычно разумели тогда персидского бога Митру, культ которого был весьма

* E. Stein. Geschichte des spatromisches Reiches. Wien, 1928, Bd. I, SS. 146–147.

распространен на всем протяжении империи, как на Востоке, так и на Западе, и временами являлся серьезным соперником христианству. Известно, что Константин был сторонником культа солнца; но какое божество почитал он под этим названием, в точности не известно; может быть, это был Аполлон. Ж. Морис заметил, что эта солярная религия обеспечила ему огромную популярность во всей империи.

Недавно некоторые историки предприняли интересную попытку представить Константина более как продолжателя и исполнителя политики других, чем единственного поборника христианства. Согласно А. Грегуару, Лициний еще до Константина начал политику терпимости к христианству. Х. Шёнебек¹⁴, немецкий историк, оспаривал мнение Грегуара. Он рассматривал Максенция как поборника христианства в своей части империи, а также в качестве того, кто создал Константинову модель для подражания.

Нельзя совершенно оставлять без внимания и его политические планы, которые также должны были сыграть роль в его отношении к христианству. Но во всяком случае, не политические планы явились причиной обращения Константина; он обратился к христианству в силу внутреннего убеждения, возникшего и окрепшего не под влиянием политики. В том-то и заключается гениальность Константина, что он, сам искренне сочувствуя христианству, понял, что в будущем оно будет главным объединяющим элементом разноплеменной империи. «Он хотел, — как пишет кн. Е. Трубецкой¹⁵, — скрепить единое государство посредством единой церкви»*.

Обращение Константина связывается с известным рассказом о явлении на небе креста во время борьбы Константина с Максенцием, то есть для объяснения причин обращения вводится элемент чуда. Однако источники, говоря об этом, противоречат один другому. Древнейшее свидетельство о чудесном знамении принадлежит христианскому современнику Константина Лактанцию¹⁶, который в своем сочинении «О смерти гонителей» говорит лишь о полученном Константином во время сна вразумлении, чтобы он изобразил на щитах

* Е. Трубецкой. Религиозные и общественные идеалы западного христианства в пятом веке. М., 1892, т. 1, с. 2.

небесное знамение Христа. О действительном же небесном знамении, которое будто бы видел Константин, у Лактанция не говорится ни слова.

Другой современник Константина, Евсевий Кесарийский, дважды говорит о победе его над Максенцием. В более раннем произведении, в «Церковной истории», Евсевий лишь замечает, что Константин, идя на защиту Рима, «призвал в молитве в союзники Бога небесного и Его Слово, Спасителя всех, Иисуса Христа». Как видно, ни о сне, ни о каких знаках на щитах здесь не говорится. Наконец, тот же Евсевий в другом своем произведении, написанном лет через двадцать пять после победы над Максенцием, а именно в «Жизнеописании Константина», дает, со слов самого императора, клятвенно подтвердившего свое сообщение, известный рассказ о том, будто Константин во время похода увидел над солнцем знамение креста с надписью по-гречески: «Сим побеждай». Ужас объял его и войско. В ближайшую ночь явившийся Константину во сне Христос с крестом повелел сделать подобие его и с таким знамением выступить против врагов. Утром император рассказал о чудесном сновидении, призвал мастеров и, описав им вид явленного знамения, приказал изготовить знамя, известное под названием *labarum*.

Лабарум представлял собой продолговатый крест, с поперечной реи которого спускался вышитый золотом и украшенный драгоценными камнями кусок шелковой ткани с изображениями Константина и его сыновей; на вершине креста был прикреплен золотой венок, внутри которого была монограмма Христа*. Со времени Константина лабарум сделался знаменем Византийской империи. Упоминания о явившемся Константину «богознамении» или о виденных на небе войсках, посланных Богом ему на помощь, можно найти и у других писателей. Известия по данному вопросу настолько сбивчивы и противоречивы, что не могут быть в должной мере исторически оценены. Некоторые даже думают, что рассказанное событие имело место не во время похода против Максенция, а еще до выступления Константина из Галлии.

* Изображение лабарума можно видеть на монетах эпохи Константина.

Теперь несколько слов о так называемом Миланском эдикте. Во время Константина Великого христианство получило законное право на существование и дальнейшее развитие. Первый указ в пользу христианства вышел из рук одного из самых свирепых его гонителей Галерия. В 311 году он издал указ, на основании которого христиане, получая прощение за свое прежнее упорство в борьбе с правительственными распоряжениями, имевшими целью вернуть христиан к язычеству, признавались имеющими законное право на существование. Указ Галерия объявлял: «Пусть снова будут христиане, пусть они составляют свои собрания, лишь бы не нарушали порядка! За эту нашу милость они должны молить своего Бога о благоденствии нашем, нашего государства и о своем собственном».

Через два года, после победы над Максенцием, Константин и вступивший с ним в соглашение Лициний сошлись в Милане и, обсудив положение дел в империи, издали интереснейший документ, который, может быть не совсем правильно, называется Миланским эдиктом. Сам текст документа до нас не дошел. Но он сохранился у христианского писателя Лактанция в форме написанного по-латыни рескрипта Лициния, данного на имя префекта Никомедии. Греческий же перевод латинского оригинала помещен Евсевием в его «Церковной истории».

На основании этого указа христианам и всем другим предоставлялась полная свобода следовать той вере, какой кто пожелает; всякие мероприятия, направленные против христиан, устранялись. «Отныне, — объявляет указ, — всякий, кто хочет соблюдать христианскую веру, пусть соблюдает ее свободно и искренно, без всякого беспокойства и затруднения. Мы за благорассудили объявить это твоей попечительности (то есть префекту Никомедии) как можно обстоятельнее, чтобы ты знал, что мы предоставили христианам полное и неограниченное право почитать свою веру. Если это мы разрешили им, то твоей светлости должно быть понятно, что вместе с этим и для других предоставляется открытое и свободное право, ради спокойствия нашего времени, соблюдать свои обычаи и свою веру, чтобы всякий пользовался свободой почитать то, что избрал. Так определено нами с той целью, чтобы не казалось, будто мы хотим унижить чье-либо достоинство или веру».

Содержание

Глава 1. Империя от времен Константина до Юстиниана Великого	5
Глава 2. Юстиниан Великий, его предшественник и ближайшие преемники (518—610)	84
Глава 3. Эпоха династии Ираклия (610—717)	142
Глава 4. Эпоха иконоборчества (717—867)	183
Глава 5. Эпоха Македонской династии (867—1081)	242
Примечания	304

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**